

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Н. Н. Саппа

*Белгородский
государственный
университет*

Рассмотрена интеллигенция с позиций её функций в структуре общественной деятельности. Использование в анализе социально-технологического подхода позволяет определить интеллигенцию как социальную группу операторов социальных технологий. Выделены различные типы заказчиков социальных технологий, включая и самих операторов.

Ключевые слова: общественная деятельность, интеллигенция, социальные технологии, операторы, заказчик деятельности, общечеловеческие ценности.

Термин интеллигенция (лат. *intelligentia* – понимание, познавательная сила, от *intellegens* – умный, мыслящий) был введен в русский литературный оборот в 60-е годы XIX века малоизвестным ныне беллетристом П. Боборыкиным взамен применявшегося Д. Писаревым термина «мыслящий пролетариат». Более ста лет назад Г. Уэллс, делая предсказания «о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии», писал о зарождении нового «класса технической интеллигенции – инженеров, техников, людей науки и инициативы, наделенных широкой научной подготовкой, общими идеалами и интересами». Характерным признаком этих людей, по мнению автора, станет высокая нравственность, так как «в своей положительной науке они найдут прочную основу для понимания истинной ценности жизни и для уразумения гнусности порока»¹.

Тогда, в конце XIX – начале XX вв., как отмечает О. Степанова, принадлежность к интеллигенции определялась, прежде всего, сознательной приверженностью к просоциалистическим взглядам². С того времени происходило сущностное изменение понятия «интеллигенция», наполнение свойства «интеллигентность» такими качествами, как образованность, честность, порядочность, нравственность, высокий культурный уровень и т.д. Сейчас нередко на бытовом уровне интеллигентом называют культурного и образованного человека, при этом многие люди, получившие диплом о высшем образовании, безусловно относят себя к интеллигенции. Ряд авторов, наоборот, ограничивает эту социальную группу лишь людьми высокой морали и нравственности. К настоящему времени понятие интеллигенция в значительной степени беллетризовано (от франц. *belles-lettres* – изящная словесность, художественная литература). В большинстве случаев речь идет о свойствах личности, которые различаются в интерпретациях различных авторов. Однако они не могут быть достаточно точно интерпретированы социологически как отношения выделенной с их помощью социальной группы людей, обладающих подобными свойствами, с социальным окружением группы.

Так, например, А. Оболонский полагает, что в русле русской традиции «интеллигенцией называют слой людей, не просто образованных, но способных в своих мыслях и поступках подняться над личными и групповыми интересами, людей с болезненно обостренным чувством гражданского долга, своей ответственности перед обществом»³. В. Гордилов, вообще утверждает, что интеллигенция как социальная группа самоликвидировалась и «сегодня, в XXI веке, социально-просветительскую миссию интеллигенции – развитие интеллектуальной свободы, осуществляет крайне малая часть «образованщины». Она заключается в просвещении власти и лишь отчасти – в просвещении масс. Исчезно-

¹ Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии: Пер. с англ. – Санкт-Петербург: Тип. Монтевида, 1903. – 199 с.

² Степанова О.К. Понятие «Интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и времени // Социологические исследования. – 2003. – №1. – С.46-53.

³ Оболонский А. На краю пропасти: русская интеллигенция и трагедия русской истории (XIX век) // Дружба народов. – 1993. – №9. – С. 140-163.

вание интеллигенции как социального слоя характерно не только для России и всего постсоветского пространства, но и для Запада. Интеллигенции как социальной общности нет, есть отдельные интеллигенты, в ней нет больше необходимости, ее функции перешли к свободным индивидуальностям»⁴. Видимо, по этой причине социологи порой при анализе стратификационной и профессиональных структур общества исключают интеллигенцию из своего рассмотрения⁵.

Заметим, что в одной из работ Н. Бердяев подчеркивал: «Интеллигенция не есть социальный класс. Интеллигенция была идеалистическим классом людей, увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь»⁶. Однако О. Куценко, рассматривая с позиций классовообразования интеллигенцию как ещё «становящийся класс», утверждает, что тем, «кто себя ценностно идентифицирует с интеллигенцией, присущ специфический этос. Это – (1) высокая ценность моральных требований, (2) высокая ориентация на доверие и уважение со стороны окружающих, – моральные принципы, доверие коллег и близких для данной группы, в целом оказались «непродаваемыми ценностями», (3) наиболее высокая, по сравнению с другими группами, чувствительность к несвободе, (4) довольно высокая ориентация на разделённую между человеком и государством ответственность, (6) умеренно позитивная социальная активность»⁷.

Как отмечается в работе⁸, определений и толкований понятия «интеллигенция» к настоящему времени насчитывается более трехсот. Такое обилие дефиниций указывает на несформированность понятия, на то, что оно, возможно, охватывает различные, но подобные социальные группы. О. Степанова, отмечая, что в «социологической» интерпретации понятие «интеллигенция» вполне сопоставимо с понятием «средний класс», предлагает рассматривать существующий разнобой в толкованиях понятия «интеллигенция» как «проявление социогрупповой конкуренции за главенство в пределах символического (знаково-понятийного) пространства. Под таким подразумевается вся совокупность идей, понятий, выраженных или иных знаках, содержащая коды массового восприятия и поведения»⁹.

Целью настоящей работы является проведение анализа понятия «интеллигенция» с учетом деятельностного аспекта, связанного с определением места интеллигенции в функциональной структуре общественной деятельности. В анализе используется социально-технологический подход – такой подход фиксирует функцию, но не оценивает саму деятельность с каких-либо ценностных позиций.

Для этого используем алгоритм поиска поля существования деятельности интеллигенции в обширном пространстве трудовых вакансий. Алгоритм, состоящий в сегментации пространства – разделении вакансий по цели и по конечному продукту деятельности работников, их занимающих; а затем – в выделении в сегментах специфических – по функциональным признакам, групп трудовых вакансий (и работников, занимающих их), с дальнейшим приписыванием им уже существующих терминов или имен.

Исходя из этого алгоритма, все пространство общественной деятельности можно достаточно однозначно разделить по характеру выполняемого труда: на деятельность, обусловленную трудом физическим и трудом умственным. Укажем, что каждый работник может занимать вакансию как в области физического, так и умственного труда. Но воз-

⁴ Гордилов В.А. Интеллигенция и интеллигентность: реалии XX века / Інтелігенція, освіта, суспільство: виклики глобальної кризи: мат. VII Міжнародної науково-практичної конференції з проблем сучасної інтелігенції (Харків, 18 березня 2008 р.). – Х.: Вид-во НУА, 2009. – С. 83-86.

⁵ Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1996 – 289 с.

Ковалиско Н.В. Професія як критерій соціальної стратифікації // Український соціум. – 2007. – №3. – С. 44-53.

⁶ Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: ООО «Изд-во В. Шевчук», 2000. – С. 216.

⁷ Куценко О. Интеллигенция: фантом или реальный социальный актор? / Кто и куда стремится вести Россию?: Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: мат. VIII международного симпозиума «Куда идет Россия», М.: МВШСЭН, 2001. – С. 247-253.

⁸ Бидзиля П.Е., Деряпа М.Р., Ремизников В.В. Интеллигенция и власть: перспективы сотрудничества // Зб. наукових праць «Актуальні проблеми розвитку суспільної думки і практика управління». – Запорожье: «Видавець», 1999. – Вып.5. – Ч.1. – С. 44-49.

⁹ Степанова О.К. Понятие «Интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и времени // Социологические исследования. – 2003. – №1. – С. 46-53.

можны случаи, когда работник может претендовать на вакансии в двух областях одновременно: например, токарь, печатающий стихи в газете, или художник, профессионально кладущий печи (художник Н. Ге), и т.п.

Следующий шаг к уточнению места интеллигенции в структуре деятельности состоит в сегментации общности работников умственного труда по цели и по конечному продукту ее деятельности. Так, если работники физического труда могут быть разделены на производящих конкретный материальный продукт и на работающих в сфере его использования, то есть в сфере услуг, то и к работникам умственного труда можно подойти подобным образом. При этом конкретным продуктом деятельности работников умственного труда может быть как идея, новая мысль, суждение, прибавляющие и увеличивающие знание, высокохудожественные произведения искусства, так и прикладное использование уже имеющихся творческих достижений (знаний, объектов искусства) для осуществления определенных общественных целей. Работников, обеспечивающих такой результат, у нас обычно называют мыслителями, творцами, учеными – например, таких как Г. Сковорода, А. Пушкин, В. Вернадский и др. На Западе терминам «мыслитель», «творец», «ученый» ближе всего соответствует термин «интеллектуал». Н. Бердяев писал о них: «Подлинными *intellectuels* – представители духа, то есть свободы, смысла, ценности, качества, а не государства, не социального класса и социальных интересов»¹⁰. Так, пожалуй, было издавна. Вспомним знакомые со школьной скамьи пушкинские строки, описывающие независимого мыслителя древности:

Волхвы¹¹ не боятся могучих владык,
И княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык,
И с волей небесною дружен.

«Мир ловил меня, но не поймал» – завещал написать на своей могиле Григорий Сковорода. Свободомыслие, независимость от власти, неподкупность всегда – в древности и в наши дни – были отличием мыслителей. Может быть поэтому, В.И. Ленин, придя к власти, называл отечественную профессуру, идейно несогласную с правящим режимом (среди них и цитируемого нами Н.А. Бердяева), «гнилой интеллигенцией» – плохой, низкокачественной, не соответствующей в его представлении имени «интеллигенция». Наверное, так оно в его представлении и было – эти люди не хотели интеллектуально служить власти. Мы полагаем, что все те ученые, которых «вождь пролетариата» в 1920 г. выслал из страны на «профессорском пароходе», были интеллектуалами, свободными от идеологической узды мыслителями¹².

В отличие от интеллектуалов для другой части обширной группы работников умственного труда функциональной деятельностью является (по аналогии с трудом физическим), не создание нового знания (продуцирование новых суждений, научных идей и творческих концепций есть функция интеллектуалов-мыслителей), а переработка и использование того, что создали интеллектуалы, в соответствии с имеющимся социальным заказом. В западной интерпретации к этой части работников умственного труда адекватно применим термин «*service class*», введенный Р. Дарендорфом.

Исходя из этого, деятельность «*service class*» состоит в отборе и организации необходимой информации, в адаптации ее для определенной аудитории, в разработке технологий ее представления в соответствии с поставленными целями. Это могут быть лекции и учебники для студентов различных специальностей, инженерные сооружения, обзоры политических событий, статьи, художественные книги, кинофильмы, скульптурные композиции и т.п. В реальной жизни, разумеется, нет резкого деления трудовых вакансий, занимаемых интеллектуалами-мыслителями и представителями «*service class*». Нередко интеллектуалы выступают в прессе с популярными лекциями, пишут книги, в которых разъясняют как специалистам, так и широким массам населения результаты своей творческой работы, преподают и принимают участие в общественно-политической жизни.

¹⁰ Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый мир. – 1990 – №1. – С. 228-231 (Печатается по «Новый град» (Париж). – 1938. – № 13. – С. 6-11).

¹¹ Волхв – мудрец, звездочет, астролог, чародей, колдун, знахарь, ворожея, чернокнижник (Толковый словарь В. Даля).

¹² Коган Л.А. «Выслать за границу безжалостно» // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 61-66.

Возвращаясь к поиску места интеллигенции в пространстве общественной деятельности, полагаем, что продуктивнее всего интеллигенцию отождествлять не с интеллектуалами, а именно с «service class», учитывая высокую социальную направленность деятельности тех работников умственного труда, кого большинство дефиниций относит к интеллигенции.

Сделаем следующий шаг к дальнейшему уточнению понятия «интеллигенция» – сегментируем указанную группу вакансий по объектам приложения деятельности работников, их занимающих. Наиболее простым представляется разделение группы на интеллигенцию техническую и «нетехническую», или гуманитарную интеллигенцию. К технической интеллигенции, как отмечалось выше, обычно относят обширную группу работников умственного труда, работающих в сфере приложения естественно-научного знания. К гуманитарной интеллигенции следует отнести тех работников умственного труда, которые объектом своей деятельности избрали различные социальные общности.

Предмет их деятельности состоит в преобразовании социального объекта необходимым образом в связи с поставленной целью. К таким работникам умственного труда относятся как учительница, авторитетно убеждавшая даже в годы репрессий своих учеников: «...я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», так и чиновник, ставящий ей задачи воспитания и обучения, работники средств массовой информации, деятели искусства, выполняющие идеологический заказ («Тише ораторы! Ваше слово, товарищ маузер!»), политики, действующие по заданию своей политической силы.

Деятельность такого рода обычно называют социально-технологической, а совокупности методов, средств, приемов, способов организации человеческой деятельности для воздействия на социальные процессы и системы с целью изменения социального объекта или социальной ситуации в определенном направлении принято называть социальными технологиями¹³. Стремление упорядочить (изменить или сформировать) систему социальных отношений, т.е. разрешить практическую социально значимую проблему, как правило, приводит к необходимости поиска (выявления) действенных (для определенной социальной проблемы и социальной ситуации) социальных регуляторов, и соответствующих приемов оперирования ими (последовательность, интенсивность и т.п.). Фактически, это и есть социально-технологический подход, опирающийся на алгоритмизированное видение решения проблемы, при котором каждый технологический шаг, являясь развитием результата предыдущего шага и решая определенное задание, системно направлен к достижению поставленной цели. Собственно, появление термина «социальная технология» можно связывать с научным освоением человеком социальной среды и с обнаружением повторяющихся в социальной жизни процессов.

Социальные технологии обычно предшествуют и сопутствуют организационным и политическим действиям, направленным на социальные изменения в обществе. При этом целью технологий являются объяснение и оправдание необходимых социальных изменений, формирование соответствующего им общественного мнения, для чего применяется широкий спектр образовательных, информационно-пропагандистских, экономических и других социальных технологий различного уровня использования.

Социальные технологии разрабатывают и внедряют специалисты – работники умственного труда. Фактически гуманитарная интеллигенция представляет собой социальную группу операторов (явных и неявных) различных социальных технологий, направленных на преобразование разнообразных социальных объектов. Интеллигентные разрабатывают и внедряют социальные технологии воздействия на социальные объекты как для целей, поставленных заказчиком, так и для достижения собственных целей – карьера, материальное благополучие, реализация собственной общественной позиции, взглядов. Гораздо чаще заказчиком социальной технологии выступают властные структуры различного уровня. К примеру, в Российской империи, а затем и в СССР интеллигенция (в отличие от интеллектуалов) всегда была на государственной службе – оплачивалась из государственного бюджета, так как разрабатывала и внедряла необходимые власти социальные технологии. И, следовательно, являлась проводником идеологии правящих структур. Как результат таких социальных технологий в отечественной практике высту-

¹³ Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. – Кишинёв: ИПФ «Центральная типография», 1997. – 352 с.

пает, например, многовековая фальсификация российской истории. Еще с карамзинских времен целью историографии России было не достижение научной истины, а отбор идеологических посылок, наиболее адекватно удовлетворяющих политике властных структур. Ряд талантливых исследований, результаты которых не вписывались в официальную историю Государства Российского, и поныне покрыты пылью забвения.

В принципе, интеллигенцию в заметной ее части можно считать соавтором всех позитивных достижений и катастрофических просчетов властных структур, подъемов и кризисных спадов в различных сферах жизнедеятельности общества. Заметим, что под властью мы здесь понимаем отношение, выражающее право, присвоенное или делегированное, личности или группы людей руководить (управлять) другими людьми. В этом контексте операторы социальных технологий (в нашей интерпретации – интеллигенция) трудно отделимы от власти и находятся внутри властной иерархии.

К. Манхейм в работе «Диагноз нашего времени» отмечал, что социальная технология подобно любой технологии ни хороша, ни плоха сама по себе – все зависит от того, как ее используют человеческая воля и рассудок. По его мнению, предположения о возможности быстрой и эффективной технологической трансформации общества стимулировали развитие и тех социальных технологий, в структуре которых насилие носит позитивный оттенок. Манхейм писал, что применительно к государству «новая наука о человеческом поведении дает в руки правительства знания о человеческом разуме, которое можно использовать либо для увеличения эффективности управления, либо превратить в инструмент, играющий на эмоциях масс. Развитие социальных служб позволяет оказывать давление на нашу частную жизнь. Таким образом, появляется возможность сделать объектом общественного контроля психологические процессы, которые ранее считались сугубо личными»¹⁴.

Выходя за пределы предложенного нами функционального анализа, заметим, что оценка социально-технологической деятельности гуманитарной интеллигенции (операторов социальных технологий, работников «service class») с этических позиций представляется нам довольно затруднительной. Если под властью понимать заказчика социальной технологии – такого же оператора (или операторов) социальной технологии, но рангом выше – субъекта, определяющего цель социо-технологической деятельности и регулирующего качество и уровень результата, то здесь уместно вспомнить идею разделения власти, предложенное Э. Фроммом в работе «Бегство от свободы», на власть внешнюю и власть внутреннюю, которую называют долгом, совестью, «superego». Таким образом, с одной стороны, интеллигенция является, по определению А. Луначарского, «классом профессиональных идеологов», включающим в себя тех, кто зарабатывает на жизнь, внедряя и (или) разрабатывая социальные технологии, направленные на изменение социального объекта в соответствии с заранее заданными (заказанными) ему параметрами: школьный учитель, ревностно следующий утвержденной свыше программе, журналист, имиджмейкер, партийный работник, чиновник и др. С другой стороны, к интеллигенции можно отнести и тех операторов социальных технологий, кто самостоятельно определяет направление и качество своей деятельности, исходя из чувства долга, совести, опираясь на собственные этические принципы.

Таким образом, в широком плане заказчиком, определяющим цели преобразования социального объекта, может быть и сам исполнитель социальной технологии. В соответствии с этим социальную деятельность можно разделить относительно признака, указывающего на субъекта, чьи потребности удовлетворяются конкретной деятельностью:

- потребности конкретного заказчика, или группы, которую он представляет;
- потребности группы, в которую входит исполнитель (оператор) социальной технологии;
- общечеловеческие потребности (цели), которые разделяет исполнитель (оператор) социально-технологической деятельности – в данном случае он, практически, выступает «заказчиком» собственной деятельности.

Под общечеловеческими целями здесь понимаются цели социально значимые, гуманистически направленные, в число которых входят способствование развитию и

¹⁴ Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: «Юрист», 1994. – 700 с.

процветанию общества, воспитание всесторонне развитых и образованных свободных личностей, стремление внести вклад в научно-технический прогресс и т.п. Вот как писал о них много столетий тому Луций Анней Сенека: «Я удалился не только от людей, но и от дел, прежде всего моих собственных, и занялся делами потомков. Для них я записываю то, что может помочь им. Как составляют полезное лекарство, так я заносу на листы спасительные наставления, в целительности которых я убедился на собственных ранах: хотя мои язвы не закрылись совсем, но расплзаться вширь перестали. Я указываю другим тот правильный путь, который сам нашел так поздно, устав от блужданий»¹⁵.

В основе гуманистически направленных целей личности лежат гуманистические ценности, содержание которых наполняется осознанными нормами этики добра, справедливости, толерантности, искренности, уважением, принципиальностью, непримиримым отношением к фальши, цинизму, лицемерию. Осуществление социальной деятельности, мотивированной реализацией своей системы гуманистических ценностей, заставляет личность активно саморазвиваться, заниматься самореализацией и является путем духовного и профессионального роста, вводящем в элиту.

Тем не менее, такое разделение, хотя и указывает направление поиска, отнюдь не является определяющим для формирования критериев этических оценок деятельности гуманитарной интеллигенции. Независимый выбор личностью целей своей социотехнологической деятельности, опирающейся на понимание ею своего долга перед обществом или определенной социальной общностью, еще не является гарантом того, что цель и средства их достижения могут быть оценены высоко с нравственных позиций. Социальная действительность дает немало примеров того, как нередко со временем меняется полярность оценок обществом, как идей, так и определяемых ими целей, путей их достижения. Так, показательным является изменение во времени общественного отношения к идее построения коммунизма в отдельно взятой стране, к социальным технологиям достижения этой цели и к интеллигенции, осуществлявшей эти технологии.

Вышеприведенные рассуждения наталкивают на мысль о том, что известный совет просветителей: «сείτε разумное, доброе, вечное» – представляет собой в общем виде методическое указание гуманитарной интеллигенции по созданию высоконравственных социальных технологий, в котором высокий гуманизм социальной цели технологии определяется в терминах «разумное, доброе», а фактор времени – «вечное» – выступает гарантом истинности гуманизма...

Список литературы

1. Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии: Пер. с англ. – Санкт-Петербург: Тип. Монтевида, 1903. – 199 с.
2. Степанова О.К. Понятие «Интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и времени / О.А. Степанова. Социологические исследования. – 2003. – №1. – С. 46-53.
3. Оболонский А. На краю пропасти: русская интеллигенция и трагедия русской истории (XIX век) / Александр Оболонский. Дружба народов. – 1993. – №9. – С. 140-163.
4. Гордилов В.А. Интеллигенция и интеллигентность: реалии XX века // Интелігенція, освіта, суспільство: виклики глобальної кризи: мат. VII Міжнародної науково-практичної конференції з проблем сучасної інтелігенції (Харків, 18 березня 2009 р.). – Х.: Вид-во НУА, 2009. – С. 83-86.
5. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1996 – 289 с.
6. Ковалиско Н.В. Професія як критерій соціальної стратифікації / Наталія Ковалиско. Український соціум. – 2007. – №3. – С. 44-53.
7. Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: ООО «Изд-во В. Шевчук», 2000. – С. 216.
8. Куценко О. Интеллигенция: фантом или реальный социальный актер? / О.Куценко. Кто и куда стремится вести Россию?: Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: мат. VIII международного симпозиума «Куда идет Россия», М.: МВШСЭН, 2001. С. 247-253.
9. Бидзиля П.Е., Деряпа М.Р., Ремизников В.В. Интеллигенция и власть: перспективы сотрудничества / П.Е. Бидзиля, М.Р. Деряпа, В.В. Ремизников. Зб. наукових праць «Актуальні проблеми розвитку суспільної думки і практика управління». – Запоріжжя: «Видавець», 1999. – Вып. 5. – Ч. 1. – С.44-49.

¹⁵ Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. – Кемерово: Книжн. изд-во, 1986. – 486 с.

10. Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции / Н.А. Бердяев. Новый мир. – 1990 – №1. – С.228-231. (Печатается по «Новый град» (Париж). – 1938. – № 13. – С. 6-11).
11. Коган Л.А. «Выслать за границу безжалостно» / Л.А. Коган. Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С.61-66.
12. Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. – Кишинёв: ИПФ «Центральная типография», 1997. – 352 с.
13. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: «Юрист», 1994. – 700 с.
14. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. – Кемерово: Книжн. изд-во, 1986. – 486 с.

INTELLIGENTSIA IN FUNCTIONAL STRUCTURE OF PUBLIC ACTIVITY: SOCIAL-TECHNOLOGICAL APPROACH

N. N. Sappa

Belgorod State University

In the article intelligentsia and its functions are considered in the structure of public activity. Social technological approach is used for determination of intelligentsia as operators of social technologies. The different types of customers of social technologies are distinguished.

Key words: public activity, intelligentsia, social technologies, operators, customer of activity, universal values.